

Къ кончинѣ Чехова.

„Бир. Вѣд.“ посвятили памяти А. П. Чехова слѣдующія глубоко-процувствованныя строки“.

Чеховъ былъ человекъ скептицизма, истинно трагическаго. Онъ чувствовалъ себя въ жизни, какъ чувствовалъ бы естествоиспытатель огромныхъ знаній и притомъ съ зрѣніемъ, обостреннымъ до силы микроскопа. Онъ проникалъ и въ другихъ, и въ самого себя до послѣднихъ глубинъ человѣческой природы, до мельчайшихъ пружинокъ таинственнаго механизма. И вотъ, въ концѣ концовъ онъ изъ говорливаго юноши, съ смѣющимися глазами, переродился въ молчаливаго, преждевременно пожилаго человека, а въ глазахъ его появилась и застыла ясная и неподвижная, внутри себя обращенная, скорбь страдающаго „человѣкобога“, ушедшаго въ прозорливыя тайны самопознанія, недоступныя къ пониманію даже лучшимъ изъ умовъ обыкновенныхъ, и потому одинокаго, одинокаго, одинокаго въ жизни какъ печальный полубогъ-полузвѣрь, мечтающій сфинксомъ среди пустыни. Мы знаемъ много мыслей Чехова, а я, всетаки, думаю, что онъ успѣлъ бросить намъ лишь крупинцы своей бездонной души,—снялъ лишь верхній слой богатаго закрома. Въ этомъ человекѣ, помимо всего, что онъ явно творилъ, всегда тлѣла особенная, внутренняя работа, таинственно, можетъ быть, даже не всегда сознательно для него самого,—подготавливавшая его будущія откровенія. И владела имъ эта пожирающая сила мучительно и властно, и затаивалъ онъ въ себѣ власть ея, чтобы не остаться не понятымъ и страннымъ, даже предъ самыми благожелательными—больше, даже предъ самыми близкими и родными людьми. Всю силу и глубину мягкой додѣтскости, любвеобильной души Антона Павловича можно было взять сразу только инстинктивнымъ сочувствіемъ; исподволь онъ требовалъ очень пристальной и любовной вдумчивости. Надо было полюбить его и повѣрить ему,—тогда сфинксъ открывался вамъ, краснорѣчивый уже въ молчаніи своемъ, не нуждаясь пояснять себя многими словами, и росъ, росъ громадою, пока не заслонялъ собою весь вашъ умственный горизонтъ. И тогда, въ священномъ трепетѣ вы понимали, проникаясь имъ во всемъ существѣ своемъ, что предъ вами—человѣкъ великій.

Огромно, но и страшно имѣть мозги, которыхъ нельзя утѣшить, которыхъ не въ состояніи опьянить никакое сообщество толпы, никакой восторгъ самолюбія! Недавно кто-то изъ критиковъ сказалъ, что Чеховъ, постигнувъ пошлость человѣческую глубже и подробнѣе, чѣмъ кто-либо до него, сталъ писателемъ роковымъ и страшнымъ. Да, онъ—страшенъ. Неотразимъ и страшенъ. И самъ онъ понималъ устрашающее начало въ талантѣ своемъ, и къ концу жизни—пытался остановить потокъ обличенной и отчаявшейся въ себѣ пошлости радугами новыхъ свѣтлыхъ надеждъ... Написалъ „Невѣсту“ и „Вишневый садъ“, но даже и въ этихъ гимнахъ молодости „струны печально звенѣли!“. Скорбь, отравившая чеховскую мысль, умѣла и любила улыбаться сквозь слезы... Онъ—и самый грустный, и самый смѣшливый нашъ писатель.

— Написалъ я комедію, но, кажется, вышелъ фарсъ!—писалъ А. П. около года тому назадъ московскому художественному театру. Фарсъ этотъ оказался глубочайшею драмою „Вишневаго сада“! Такъ взыскательно относился къ себѣ этотъ удивительный человекъ, никогда не разлучавшійся съ мыслью, что родина ждетъ отъ него большого-большого слова, и потому каждое слово свое вѣсившій строго и придиричливо: оправдываетъ-ли оно довѣріе общественное?

Чеховымъ была поставлена заключительная точка гоголевскаго теченія въ русской литературѣ, въ Чеховѣ умеръ законченный періодъ литературный, начало котораго въ Гоголѣ. Умеръ, конечно, чтобы вѣчно жить. Ахъ, господа! Передъ тѣмъ, какъ сѣсть за эту статью, шелъ я на почту скучными, малолюдными улицами и смотрѣлъ на ихъ жизнь, на дома и лица встрѣчныхъ людей... И шли они, шли безконечною чередою, красивые и безобразные, умные и глупые, богатые и бѣдные, печальные и веселые, счастливые и несчастные,—знакомые незнакомцы,—герои чеховскихъ рассказовъ... И изъ чеховскаго расска-

за былъ полиціѣмейстеръ, пролетѣв-
шій мимо меня въ экипажѣ на шинахъ.
И изъ чеховскаго разсказа былъ на
почтѣ телеграфистъ, который, зѣвая,
писалъ мнѣ квитанцію и сыпалъ на
нее песокъ, словно хотѣлъ ее похоро-
нить... Всюду онъ! Всюду Антонъ Пав-
ловичъ! Всюду его зеркало... Да раз-
вѣ не найду себя у Чехова и я, допи-
сывая эту статью съ мучительнымъ и
страстнымъ угрызеніемъ совѣсти, что
не сумѣлъ сказать и сотой доли того,
что хотѣлъ и былъ долженъ? Развѣ
не найдете себя въ портретахъ Чехо-
ва вы, которые будете набирать эту
статью, корректировать, ставить въ
газету? Вы—мужчины и женщины обы-
вательщины—которые будете ее чи-
тать?... Всѣ въ немъ, и пѣтъ ему чу-
жого. Скончался великій Папъ! Умеръ
поэтъ. Умеръ поэтъ всѣхъ насъ,—и
всѣ мы о немъ, какъ лѣтняя туча, за-
плачемъ...